
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

THEORY AND PRACTICE OF CONTEMPORARY JOURNALISM

УДК 070

ПОВЫШЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ЦЕЛЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ВСЕЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. А. ЕЛФИМОВ¹⁾

¹⁾*Институт журналистики Белорусского государственного университета,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассматриваются проблемы и перспективы совершенствования медийной политики в Республике Беларусь и за ее пределами в целях формирования информационного общества, существующего в более безопасном глобальном мире. Обосновывается мысль о том, что эффективность журналистики определяется ее актуальностью и ориентированием в социальной повестке дня: медиа позволят получить нужный результат только в том случае, если будут следовать общему пути к благополучию общества и построению новой системы международной безопасности.

Ключевые слова: информационное общество; модернизация; белорусское общество; международная безопасность; медиапространство; СМИ; инновации.

Образец цитирования:

Елфимов В. А. Повышение креативности информационной работы в целях модернизации белорусского общества и всей системы международных отношений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. 2017. № 1. С. 14–21.

For citation:

Yelfimoff V. A. Upgrading media for the modernization of Belarusian society and international relations. *J. Belarus. State Univ. Journalism. Pedagog.* 2017. No. 1. P. 14–21 (in Russ.).

Автор:

Вадим Алексеевич Елфимов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры теории периодической печати.

Author:

Vadim Yelfimoff, PhD (history), docent; associate professor at the department of periodical press.
yelfimoff@mail.ru

UPGRADING MEDIA FOR THE MODERNIZATION OF BELARUSIAN SOCIETY AND INTERNATIONAL RELATIONS

V. A. YELFIMOFF^a

^a*The Institute of Journalism of the Belarusian State University,
Kal'variiskaya street, 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus*

The article is devoted to the problem of forming modern socio-cultural space in aims of information society. The newest trends in globalization of security process and perspectives of pragmatic approach to them are also viewed in the article. The author claims that efficiency of journalism is defined by her continuous stay on an edge of questions of the social agenda: only then journalism will be effective when it promotes making of the general route to wellbeing of society. And to creation of new effective system of the international security.

Key words: information society; modernization; Belarusian society; international security; mass media; socio-cultural space; innovation.

2017 год объявлен в Беларуси годом науки, что является не только свидетельством особого внимания, уделяемого белорусской властью интеллектуальной составляющей социально-экономического развития нашего общества, но и мощным стимулом для активизации усилий по адекватному и комфортному инкорпорированию Беларуси в глобальное информационное сообщество, которое выстраивается прямо сейчас и имеет ряд как позитивных, так и однозначно негативных аспектов.

При этом позиция белорусского государства состоит в том, что мировое информационное сообщество, как и всякий интеграционный проект, должно формироваться только на взаимовыгодной и равноправной основе. Для реализации данной идеи (принципа) нам необходимо отвечать как минимум двум неперенным условиям. Во-первых, следует в рамках собственной страны сформировать состоявшееся информационное общество, обладающее медийной самоценностью, чтобы претендовать на равноправность и учет национальных интересов. Во-вторых, нужно иметь (получить) возможность влиять на мировое медиaprостранство если не в глобальном масштабе, то хотя бы в плане поставки информации о самих себе и о своей стране. Это чрезвычайно важно и для формирования правильного международного имиджа Беларуси, и для налаживания реалистичных, а значит, эффективных взаимодействий с зарубежными партнерами.

Еще более перспективной представляется возможность пусть не информационного, но интеллектуального влияния. В науке можно обрести авторитет с помощью отдельных, достаточно ярких открытий международного значения, а в медиасфере и сфере политики – с помощью полезных предложений по разрешению злободневных мировых проблем. Подобные предложения не являются прерогативой исключительно супердержав, и небольшим странам нет необходимости работать по всей повестке дня – достаточно сконцентрироваться на

ключевых вопросах, имеющих глобальный общественный резонанс. Например, в настоящее время весьма актуальна проблема модернизации международных отношений в целях их гармонизации, а также построения новых систем безопасности (о чем речь пойдет далее), способных спасти человечество от второй холодной войны. Белорусский вклад в разрешение этих дискурсов стал бы пропуском в международное информационное пространство.

В любом случае все эти возможности ставят задачу качественной модернизации информационной работы как внутри страны, так и за ее пределами. И задачу эту приходится решать в очень короткие сроки при минимуме финансовых средств: сказывается влияние эпохи прагматизма.

Сегодня белорусское общество выходит на новый этап развития. Причем этот процесс осуществляется в очень сложный период, в первую очередь с экономической точки зрения, когда вторая волна мирового кризиса готова смыть последние островки стабильности по всей планете. Между тем перед Беларусью стоит задача масштабной модернизации и строительства «умной экономики». По сути, речь идет о том, что прежние возможности классической модернизации уже на исходе, если не исчерпаны, и в оперативном распоряжении остаются лишь два альтернативных типа поведения: 1) креатив, т. е. создание собственных ценностей, естественно, с опорой на проверенные временем белорусские традиции; 2) компиляция или подражание общими-ровым (читай – западным) штампам.

Нет никакого сомнения в том, что белорусы выберут креативный путь, т. е. путь создания новых возможностей с опорой на уже достигнутую стабильность. Метод роста давно заявлен властью как очередная цель развития. Данный метод предполагает раскрытие внутренних возможностей экономики, предпринимательского потенциала населения, а также выход на новые экспортные возможности через Евразийский экономический союз,

костяк которого составляют два братских государства – Беларусь и Россия. И все это в комплексе с экономической либерализацией и интеграционным ускорением. При этом непременно обеспечивается соблюдение стратегических социальных ориентиров, т. е. интересов простых людей.

Такой подход определяет не только стратегическую цель момента – интеллектуальное творчество, инициативу, но и перестраивает всю систему работы государственного управления. Отныне госаппарат – это не бюрократический штаб, а творческая лаборатория, с одной лишь отличительной чертой – высочайшей степенью прямой ответственности за креатив и его результаты.

Также можно утверждать, что мы переходим к новому качеству и журналистики, и журналистов: из функционеров и медиаторов они превращаются в инициаторов дискурса и генераторов развития. Образно говоря, по всей вертикали власти начинает выстраиваться модернистская архитектура интеллекта, фундамент которой – широкие слои общества.

Будущее Беларуси – за инновациями, а инновации создает интеллект. Бюрократ лишь обеспечивает реализацию инноваций, отсюда его новое, подчиненно-прикладное, значение. Для политической элиты и власти в целом это означает необходимость срочно подключить интеллектуальную элиту общества к непосредственному решению задач модернизации, с одной стороны, а с другой – обеспечить эту интеллектуальную элиту организационным рычагом: сделать ее задумки реальностью. А реальность «измеряется» критериями прагматизма: эффективностью, прибыльностью, успешностью и, конечно, рентабельностью.

Сегодня наука наиболее успешна в тех сферах, где она превратилась в бизнес-проект. Со стопроцентной уверенностью можно сказать: успех обеспечен именно в той научной области, в которую вложено наибольшее количество средств. Дешевая же наука быстро снижает даже имеющийся экономический потенциал. Однако средства должны быть вложены именно туда, где они могут принести конкретный результат. Иными словами, вкладывать их нужно, как и в экономике, в «точки роста» идеологии – тогда и идеологический эффект удвоится.

Итак, сегодняшнее влияние прагматизма на гносеологический процесс, пожалуй, следует назвать положительным. Выгода, безусловно, определяет границы развития информатики. Способна ли общественная сфера превратиться в бизнес-проект? Очевидно, что полностью – нет, и в первую очередь потому, что пока невозможно найти консенсус по, казалось бы, простейшей проблеме: как оценивать эффективность такого проекта. То, что одним представляется выгодным, другим – наоборот, разорительным и даже вредным, ибо экономические

интересы общественных слоев слишком часто расходятся. В обществе, сформировавшем социально ориентированное государство, такие же вопросы возникают в том числе и в сфере идеологической. В чем суть социально ориентированного государства? Во-первых, это государство для народа. Во-вторых, это государство, обеспечивающее социальную справедливость.

Иными словами, эффективность идеологии определяется ее актуальностью и ориентированием в вопросах социальной справедливости и предоставлением правильных ответов, удовлетворяющих социум. Идеология, а значит, журналистика должна идти не просто плечом к плечу с государством, а даже чуть впереди него, находя «болевые точки» и новые сферы применения власти. Медиа будут эффективны только тогда, когда будут следовать общему маршруту к благополучию общества.

Под таким углом и следует рассматривать главную задачу модернизации, которая провозглашается властью и вполне применима к такой, казалось бы, «неконкретной» сфере, как идеология. В модернизации органично сочетаются стратегия, тактика, оперативность, связь политической элиты с социумом, четкие экономические цели и задачи их информационного обеспечения. Это объясняется тем, что идеологическая вертикаль оценивается не по тому, как она работает, как организована и как четко «спускает» целеуказания сверху вниз, а по тому эффекту в низах, которого она добилась. И эффект этот, кстати, тоже имеет конкретное экономическое выражение. И даже политическую выгоду. А на выгодную, окупаемую и, стало быть, эффективную идеологию и государственных денег не жалко. В разумных пределах, естественно.

Но, быть может, прагматичный подход, оценивающий все с точки зрения рациональности и выгоды, применим и к международным политическим отношениям? Хотя бы к такой важной сфере, как безопасность? Ведь найти компромиссы и общие подходы в ней нужнее всего, ибо основная выгода – это сохранение мира.

И еще вопрос: в какой мере белорусская модернизированная информационная работа способна обеспечить более разумный подход к международной безопасности со стороны наших западных контрагентов? Миролюбивая политика Республики Беларусь всем давно известна, и теперь стоит оживить ее с помощью нового – действительно инновационного – предложения, которому также необходимо пиар-сопровождение.

В соответствии с исторической, политической и технологической градацией нынешнюю систему международной безопасности мы могли бы назвать *безопасностью первого поколения*. Ее истоки – в Ялтинско-Потсдамской системе международных

отношений, глобальный масштаб она приобрела в рамках биполярности, сбалансированность черпала из военно-политического паритета между США и СССР. Ее нынешний однобокий характер, т. е. явная тенденция к монополярности, является результатом развала Советского Союза, а стало быть, и глобального баланса сил. Иными словами, нынешнюю систему безопасности мы можем назвать первым поколением вовсе не потому, что она сохранила приоритет или параметры донныне, а потому, что другой сколько-нибудь эффективной безопасности у человечества просто не было. Реалии наших дней – полное отсутствие всякой системы безопасности.

Именно поэтому любое разумное предложение, касающееся концепции новой структуры безопасности, будет немедленно замечено всеми здравомыслящими людьми планеты, исходи оно от Беларуси или от какой-либо другой страны.

Действительно, существующая система безопасности настолько «усечена» после 1989 г. и дискредитирована за 1990-е и 2000-е гг., что практически не действует. Ей просто не верят. И конечно, ее модернизация или восстановление, чтобы претендовать на полноценность, должны идти параллельно с частичным ребрендингом. Применение информационных технологий вкупе с политическими и дипломатическими абсолютно необходимо, как необходимо восстановить доверие к самой идее совместной и неделимой между странами безопасности. Насколько это возможно, зависит от новизны предложений по изменению архитектуры безопасности, которая должна полностью отвергать монополярность, а также идею «исключительности» каких-либо стран. Многое будет определяться также эффективностью информационного промоутинга концепции безопасности второго поколения.

В информационном плане идея новой глобальной безопасности может выглядеть следующим образом. Поскольку система первого поколения зародилась в Европе, то, очевидно, и модернизацию следует начинать с этого региона. Тем более что европейская политика до сих пор остается ключевой в таких важных областях взаимодействия, как трансатлантические отношения и отношения Восток – Запад.

Именно в условиях глобализации, когда ее проблемы стремительно становятся мировыми и наоборот, Европа оказалась без действующей системы безопасности. Старая система, выстроенная европейцами в период холодной войны, была поделена пополам дважды: когда от нее отсоединилась ОВД и осталась только НАТО и когда НАТО политически «поглотила» ОБСЕ. Таким образом, сохранилась лишь одна организация, которая теперь отвечает за все: и за военную составляющую, и за политику, и за сохранение границ, и за диалог с Востоком, и даже за ближневосточное «урегулирование», не говоря уж про центральноазиатское. Такое распол-

зание единоличной компетенции и обретение несвойственных для чисто военной организации функций, быть может, и подтолкнуло НАТО к расширению (во всяком случае, по мнению некоторых европейцев), но привело лишь к одному – многократному усложнению ее задач. Военные средства, как и блоковое мышление, сами собой подталкивают к простым решениям сложных проблем. В результате мы имеем череду конфликтов на территории самой Европы, в которые оказался вовлечен Североатлантический блок; наблюдаем попираание хельсинских постулатов и перекройку границ, и наконец – международно-правовой тупик, когда одним нациям доступно право на самоопределение, а другим – нет.

Таким образом, для нашего региона назрела необходимость создания новой, причем истинно общеевропейской, архитектуры безопасности: нужно прорываться в новую политико-правовую реальность и формировать в качестве фундамента для нее новый баланс сил.

Возможно, все гораздо сложнее. Если обратиться к истории, станет ясно: человечество всегда тратило на безопасность львиную долю жизненных ресурсов, отрывая их от своих творческих потенций. Да и в перспективе просматривается пока все та же тенденция, только растущая в геометрической прогрессии. А раз так, то ресурсов рано или поздно просто не хватит: погоня за безопасностью лишит человечество всякой безопасности.

Парадокс, но он совершенно реалистичен и проявляется уже сейчас. Существует лишь один разумный и, следовательно, спасительный выход. Его суть сводится к утвердительному ответу на двойной вопрос: может, не стоит тратить все большие и большие ресурсы на безопасность? Может, стоит просто использовать эти ресурсы эффективнее?

И тут поднимается проблема новой архитектуры системы безопасности. Такой архитектуры, которая обеспечит прежде всего рациональное использование ресурсов, отпущенных на безопасность. Конечно, подобную архитектуру (назовем ее безопасностью второго поколения) еще нельзя назвать по-настоящему новой: она, скорее, модернизированная прежняя. Принцип ее функционирования останется затратным: латание «дыр» нестабильности и угроз с помощью «замазки» противодействия и ответных угроз. Однако «замазки», благодаря рациональному ее использованию, будет хватать на все большие пространства, что способствует, во-первых, сохранению уже сложившегося глобалистского характера безопасности, а во-вторых, как следствие, временному примирению глобалистского и прагматического подходов, что тактически выгодно ради объединения, а не разобщения политических усилий вокруг темы международной безопасности.

Первый шаг к истинному прагматизму уже будет сделан: во главу угла, так или иначе, возведут именно эффективность безопасности, а не ее масштабы, идеологическую эффективность или ориентацию на какие-то существующие центры силы. Это как раз то, чего так не хватает первой системе безопасности. И конечно же, самой цивилизации.

По-настоящему новой – *безопасностью третьего поколения* – можно будет считать только такую архитектуру безопасности, которая напроць откажется от затратного принципа функционирования. Такой подход позволит не только сохранять ресурсы человечества, но и увеличивать их количество.

Вот тогда-то безопасность станет экономически выгодной, а насилие, войны, угрозы войдут в список гигантских и совершенно бесполезных трат, ведущих к банкротству их зачинщиков. Нетрудно понять, что такое положение вещей повлечет за собой изменение мотивов для внешней политики и в конечном счете перевернет всю систему международных отношений с головы на ноги: система станет не «постконфликтной», а истинно бесконфликтной. Сейчас, когда мы уже чувствуем дыхание второй холодной войны, когда напряженность в мире лишь нарастает, в это трудно поверить, но только такую архитектуру можно назвать безопасностью третьего поколения.

У человечества, как у Архимеда, должен появиться рычаг, только не эфемерный, а реальный, – экономическая заинтересованность в стабильности. До сих пор наибольшие прибыли приносили войны. На втором месте по прибыльности остаются угрозы применения военной силы: их надо обеспечивать соответствующим военно-техническим потенциалом, который очень дорого стоит. На третьем месте – прямая торговля оружием. Если рядом с экономическими показателями этих трех «монстров» поставить сегодня бизнес-проект под названием «мир», он покажется банкротом. Но лишь пока.

На самом деле мир может приносить более высокие, нежели война, дивиденды, а главное – стабильные. Так же и системы безопасности, поэтому погоня за их эффективностью закончится получением от них прибылей.

Однако прежде чем выстраивать дальнейшую логику концепции безопасности третьего поколения, необходимо доказать, что безопасность действительно способна приносить реальные дивиденды. Ведь если это было возможно при определенных условиях ранее, то тем более оно возможно в будущем, условия которого вполне подвластны не только объективному, но и субъективному влиянию, т. е. целенаправленному действию субъектов международных отношений. И такой пример нам дарит совсем недавнее прошлое.

Опыт 1950–80-х гг. учит: Западной Европе удалось не только выстроить собственную коллектив-

ную безопасность, но и встроить ее в схему глобального противостояния двух супердержав (США и СССР) таким образом, что эта гибкая западно-европейская система безопасности стала приносить конкретные экономические плоды: обеспечивать опережающие темпы экономического развития по сравнению с основными контрагентами противостояния в первой холодной войне. Теперь понятно почему, как свидетельствует Пьер Лелуш (весьма осведомленный помощник экс-президента Франции Жака Ширака по международным делам), западно-европейские страны были вполне удовлетворены схемой функционирования биполярной системы вообще и своим положением в ней в частности. «Соотношение сил было идеально упорядочено, – пишет он, – благодаря НАТО – с одной стороны, и ОВД – с другой, ЕС – с одной стороны, и СЭВ – с другой. Между двумя этими блоками существовали ОБСЕ и переговоры по разоружению. Словом, все было разложено по полочкам». И далее П. Лелуш с горечью добавляет: «Сегодня (в 1990-е гг. – *Прим. авт.*) весь этот фундамент нашей послевоенной стабильности исчез» [1, с. 50]. Очевидно, под «послевоенной стабильностью» бывший помощник по международным делам разумеет не только безопасность Европы, но и конкретные экономические выгоды, с нею связанные.

Как они складывались? С одной стороны, Западная Европа прикрывалась «ядерным зонтиком», предоставленным Штатами, и, стало быть, свой собственный дорогостоящий «зонтик» ей покупать не было нужды. С другой стороны, у нее были такие дипломатические рычаги, как переговоры по разоружению, которые она вела с Советским Союзом, да еще Хельсинский процесс, с помощью которых, как с помощью клапанов на волшебной флейте, европейцам удавалось не только регулировать общий тонус международной напряженности, но также играть на ревности и амбициях супердержав. К вящей выгоде «общего рынка». В результате западные европейцы смогли почти полвека удерживать военные расходы в своих странах, которые, отметим, считались основным театром возможных боевых действий, на поразительно низком уровне: в 3–4 % от их ВВП. В то время как у США этот диапазон составлял 11–18 %, у СССР – 16–33 %. Кстати, за 1950–1985 гг. реальная стоимость американского доллара, т. е. валюты страны-победительницы, упала по отношению к валюте страны, проигравшей во Второй мировой войне, т. е. к марке ФРГ, почти в половину, а точнее на 42 %. Что уж говорить о западноевропейских странах, формально входивших в коалицию победителей. Поэтому не кажется удивительным, что к началу XXI в. экономический потенциал Соединенных Штатов и совокупный экономический потенциал ЕС сравнялись: 19,8 % и 20,4 % от общемирового валового продукта соответственно

[2, с. 49]. Правда, после гигантского расширения Евросоюза в начале XXI в. за счет стран Восточной Европы структура европейского экономического потенциала резко ухудшилась. Но и у американцев в дни нынешнего кризиса эта структура выглядит пока не намного лучше.

Корреляцию между доходностью западноевропейских экономик и военной безопасностью прекрасно демонстрирует еще один факт. К середине 1970-х гг. «общий рынок» практически созрел для введения единой валюты, оставалось лишь принять политическое решение. Но стоило американцам жестко потребовать перераспределения расходов в рамках НАТО, с тем чтобы европейцы взяли на себя «более справедливую долю ответственности» за общую трансатлантическую безопасность, как вопрос о введении евро пришлось тут же отложить. Как потом оказалось, на целых 35 лет, а точнее до нового века и новой эпохи в развитии системы международных отношений. Таким образом, становится очевидным: цена преференций, получаемых в 1970-х гг. западноевропейцами от своей гибко балансирующей безопасности, была как минимум равна цене вопроса о введении евро.

Безусловно, указанное – вовсе не пример того, как именно нужно использовать архитектуру безопасности, но это пример того, как безопасность способна сберегать ресурсы и предоставлять преимущества в конкурентной экономической борьбе.

Конечно, системы безопасности нельзя рассматривать в качестве акционерных обществ, где акционеры получают «доходы» пропорционально своим взносам. Это, может, и было бы справедливо, но подрывало бы саму идею безопасности второго поколения. Такая безопасность должна быть неделимой, отрицать какие-либо «контрольные пакеты», любое преобладание чьих-либо прав над правами других. Она должна восприниматься как общее и неизменяемое условие для развития всех стран. Прибыль же от нее состоит в самой возможности развиваться максимальными темпами и с максимальным привлечением тех ресурсов, что доступны той или иной стране.

Кстати, такое понимание безопасности переносит акцент в ее структуре с макроуровня на микроуровень, т. е. на уровень стран или страновой этаж архитектуры. Формируются не вертикали безопасности, когда главенствуют центры силы либо один суперцентр, а горизонталь. В такой структуре главное – горизонтальные связи, сами по себе превращающиеся в силу, но с той особенностью, что она, эта вновь возникающая сила, никому не угрожает. И даже всех защищает.

Горизонтальное построение безопасности третьего поколения более прочное, ибо в силу превращаются сами связи. Причем эти связи между странами тем сильнее, чем разнообразнее и теснее.

И они будут обладать двумя важнейшими свойствами. Первое – всегда будут достаточны (читай – прагматичны). Второе – никогда не будут самодостаточны, т. е. не будут порождать стремлений к автономизации, фрагментации и прочим действиям, разрушительным для архитектуры общей безопасности. Иными словами, само существование и развитие этих связей будет напрямую зависеть от единства всей «ткани» (в международном масштабе). Это второе свойство связей возникнет не сразу, а лишь вследствие «закрепления» первого в политической традиции, и тем не менее оно не требует особых разъяснений, ибо уже сегодня всем очевидны необходимость и полезность единства и сотрудничества.

Первым же и ключевым свойством этих связей между государствами станет их достаточность с точки зрения безопасности. И тут – на противопоставлении – необходима иллюстрация из политической практики наших дней.

Сегодня трудно определить грань между достаточным, недостаточным и чрезмерным в безопасности тех или иных стран, так как эти вопросы в подавляющем числе случаев решают не сами страны, а некие наднациональные структуры, даже если эти страны в них и не входят. Например, как получить объективный ответ на вопрос: в какой мере – достаточной, недостаточной или чрезмерной – была оккупация Ирака войсками «антисаддамовской коалиции» с точки зрения обеспечения безопасности европейских государств – членов НАТО? Или с точки зрения нейтральных стран?

А если рассмотреть отложенные вроде бы планы Вашингтона по размещению элементов американской противоракетной обороны в Чехии и Польше: они диктовались соображениями достаточности в обеспечении безопасности этих двух стран – членов НАТО или нет? Если американская ПРО в какой-то европейской стране – это достаточная мера, значит, все остальные члены Североатлантического блока, где не планировалось размещение подобных систем, сегодня не обеспечены достаточной безопасностью, что само по себе не только сенсация, но и повод подвергнуть серьезной ревизии всю натовскую архитектуру безопасности. Если же американская ПРО в Европе – это мера «сверх достаточного», то тогда остается выяснить, с чьей точки зрения: администрации Барака Обамы, чешского и польского правительств, руководства НАТО, а может, ЕС?

Не вызывает сомнений следующее: если бы у жителей Чехии и Польши поинтересовались насчет размещения рядом с их жилищами «противоракет», ответ был бы однозначным. Близость расположения «противоракет» является не только недостаточным средством обороны, но даже абсолютно ненужным и опасным, ибо провоцирует ответные меры и рост напряженности на границах

с соседними государствами. Вопросы достаточности или недостаточности безопасности лучше всего решаются на местах. И в условиях развитой демократии.

А то, что эта архитектура безопасности должна обретать все более демократичный характер (в смысле максимального учета интересов и прав всех партнеров), не вызывает никаких сомнений. Ведь если безопасность одной страны, вне зависимости от ее размеров, геополитического положения и влияния, станет условием безопасности всех стран, это будет означать также и то, что безопасность мирового сообщества станет условием безопасности каждого государства.

Конечно, исходя из «реальной политики» трудно предположить, что сила совсем утратит значение. Наиболее мощные государства (назовем их «государствами-спонсорами») сохраняют влияние, просто, во-первых, это влияние будет осуществляться в другой политико-правовой среде, а во-вторых, будет всегда только достаточным и никогда чрезмерным – остальные страны будут сами формировать «заказ» на внешнее влияние. Это логически приведет к адекватности применяемых и планируемых мер безопасности. Во всяком случае, такая ситуация, которая сложилась в начале XXI в., когда президент США Джордж Буш заявлял: «Мы должны строить и поддерживать нашу [американскую] обороноспособность независимо от того, есть вызов или его нет» [3, с. 29], будет совершенно исключена. Определять существующие и гипотетические опасности Соединенные Штаты смогут только сообща с другими странами. И в рамках соответствующего универсального и многостороннего мониторинга.

Наступает эпоха повышенной ответственности политических элит за будущее цивилизации. Антропогенное влияние выросло до таких размеров, когда оно уже не может быть просто следствием разумной деятельности. Теперь оно должно стать частью глубоко продуманной стратегии по выходу на бескризисное развитие, основа которого – прагматизм и сбалансированность. То же и в сфере безопасности, и даже в большей степени, ибо здесь кризисы чреваты куда худшими последствиями. Здесь прагматизм означает прежде всего отказ от стереотипов мышления, от образов врага, от раз-

личных фобий, которые до сих пор мешают создавать новый политический климат не только вообще на планете, но и в тесной, страдавшей от конфликтов Европе. Россия и ЕС – естественные экономические партнеры, не менее естественный посредник между ними – Беларусь, но до сих пор эту удачную комбинацию не удалось конвертировать в полноценное стратегическое партнерство. И, по признанию З. Бжезинского, лишь по одной причине – «в силу главным образом небезосновательного впечатления, что основной движущей силой политики Запада являются доктринальная русофобия, желание окружить и изолировать Россию» [4, с. 17].

Отказ от стереотипов в медиасфере (а образ врага – один из них, причем самый пагубный и долговечный), менторского тона, тенденциозности не может произойти на политической арене Европы сам по себе. Для конструктивных изменений нужны не увещевания, а объективные предпосылки, как показал в том числе и опыт Беларуси в ее далеко непростых взаимоотношениях с Западом. Минск всегда подчеркивал, что не хочет быть частью нового «санитарного пояса», что разделительное мышление не соответствует общеевропейским тенденциям и союзным обязательствам Беларуси.

Впрочем, еще многие далеко идущие и конструктивные инициативы, с которыми выступала белорусская сторона, остаются невостребованными западными политиками, словно ждут своего часа. Одна из них – инициатива по созданию безъядерных зон в Европе. А между тем воплотиться она в жизнь, Европа стала бы на шаг ближе к многополярности и системе безопасности третьего поколения. Ведь никто еще не отменял классического постулата, сформулированного Стокгольмским институтом мира, о том, что нераспространение ядерного оружия является всеобщим «правилом переходного периода от частично разоруженного мира к полностью разоруженному» [5, с. 228].

Таковы основные послылы, которые могли бы быть успешно применены в информационном и идеологическом обеспечении концептуальной инициативы формирования новой, эффективной и справедливой архитектуры международной безопасности, основанной на принципе экономической заинтересованности в мире и стабильности.

Библиографические ссылки

1. Леман Р. Ограничение вооружений: удивительные результаты // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 2.
2. Вопросы международных отношений и внешней политики Республики Беларусь : материалы VI круглого стола «Белорусско-российские отношения в современном международном контексте» и цикла семинаров «Актуальные вопросы международных отношений и внешней политики Республики Беларусь» / редкол.: В. А. Астапенко [и др.]. Минск, 2004.
3. The National Security Strategy of The United States of America. Washington, 2002.
4. Brzezinski Z. NATO Should Remain Wary Of Russia // Wall Str. J. Eur. 2001. Nov. 28. P. 4.
5. Simpson J. The Nuclear Non-Proliferation Regime and the Model For Conventional Armament Restraint // Arms Transf. Limit. Third World Secur. / ed. by T. Ohlson. Stockholm, 1988. P. 225–240.

References

1. Leman R. Ogranichenie vooruzhenii: udivitel'nye rezul'taty [Reduction of armaments: surprising results]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*. 1993. No. 2 (in Russ.).
2. Voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki Respubliki Belarus' [Top-items of the international relations and foreign policy of Republic of Belarus] : materialy VI kruglogo stola «Belorussko-rossiiskie otnosheniya v sovremennom mezhdunarodnom kontekste» i tsikla seminarov «Aktual'nye voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki Respubliki Belarus'». Minsk, 2004 (in Russ.).
3. The National Security Strategy of The United States of America. Washington, 2002.
4. Brzezinski Z. NATO Should Remain Wary Of Russia. *Wall Str. J. Eur.* 2001. Nov. 28. P. 4.
5. Simpson J. The Nuclear Non-Proliferation Regime and the Model For Conventional Armament Restraint. *Arms Transf. Limit. Third World Secur.* Stockholm, 1988. P. 225–240.

Статья поступила в редколлегию 14.12.2016.
Received by editorial board 14.12.2016.